РЮНОСКЭ АКУТАГАВА

ВЕДЬМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44
А44

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с японского

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Акутагава, Рюноскэ.

А44 Ведьма: [сборник: перевод с японского] / Рюноскэ Акутагава. — Москва : Издательство АСТ, 2027. — 544 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-188212-9

Непревзойденный мастер малой прозы, Акутагава писал в разных жанрах на разные темы. На страницах его книг реалистичные новеллы соседствуют с философскими притчами, а мудрые сказки — с историческими и даже мистическими произведениями. Но всякий раз писатель демонстрирует блестящий слог, тонкий юмор, яркие образы и глубокое понимание человеческой души.

В этот сборник вошли избранные произведения разных лет, в том числе новеллы «Ведьма», «Дракон», «Разбойники» и многие другие. В этих историях древняя ведьма вмешивается в отношения двух юных влюбленных, братья-разбойники влюбляются в свою предводительницу и сходят с ума от ревности, а завистливые монахи пытаются выкрасть золотую трубку известного богача.

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44

© Перевод. В. Гривнин, наследники, 2023
© Перевод. В. Мазурик, 2023
© Перевод. В. Маркова, наследники, 2026
© Перевод. В. Островская, 2026
© Перевод. В. Санович, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2027

СТАРОСТЬ

В ресторанчике типа чайного домика «Гёкусэн-кэй» на Хасиба готовились к исполнению иттю-буси[1].

С утра установилась серая, пасмурная погода, а около полудня наконец пошёл снег, так что в пору, когда в домах зажигаются огни, верёвки на соснах в саду, не дающие ветвям сломаться под тяжестью снега, уже низко провисли. Но в комнате за двойным укрытием из стеклянных дверей и сёдзи[2], рядом с хибати[3] было так жарко, что даже кружилась голова. Язвительный «босс из Накадзу», поймав проходившую мимо Роккин, в чопорном однотонном хаори[4] стального цвета и накидке из ткани чайного цвета с продольными полосами, поддел её:

---

[1] Иттю-буси — жанр японского музыкально-декламационного повествования, возникший в эпоху Эдо (1603–1868 гг.); исполнялся под сопровождение сямисэна.

[2] Сёдзи — традиционная японская раздвижная перегородка или дверь с деревянной рамой и полупрозрачным бумажным заполнением.

[3] Хибати — небольшой традиционный японский жаровенный сосуд, предназначенный для разведения и поддержания огня, а также для обогрева помещения.

[4] Хаори — традиционная японская верхняя одежда, надеваемая поверх кимоно.

— Не желаете хоть одну-то скинуть? А то помада для волос потечёт!

Кроме госпожи Роккин пришли ещё три гейши из квартала Янагибаси и одна хозяйка чайного домика в районе рисовых складов на берегу реки Сумидагава, всем им было за сорок; кроме того, присутствовали человек шесть — молодые прислужницы ойран[1], отошедшие от дел куртизанки да господин Огава с «боссом из Накадзу». Из слушателей-мужчин были согбенный учитель иттю Удзи Сигё и семь-восемь господ-любителей, из которых трое знали репертуар «Театра трёх трупп» и совершаемого в присутствии сёгуна празднества бога Санно-сама[2], а потому между ними завязалась довольно оживлённая беседа о выступлении сказителей гидаю[3] в чайном павильоне Тобая, что в Фукагаве, и о церемонии «тысячи паломничьих листовок», проведённой меценатом Цуто из квартала Ямасиро Гаси.

Гостиная в пятнадцать дзё[4] помещалась во флигеле и, похоже, была самой большой комнатой в доме. Электрические лампочки в плетённых из бамбука абажурах отбрасывали на потолок из морё-

[1] Ойран — высокопоставленная японская куртизанка эпохи Эдо, отличавшаяся особым статусом, сложным церемониалом и изысканным костюмом.

[2] Санно-сама — почитаемое в японской традиции божество горы Хиэй, покровитель святилища Хиэ. Частица -сама — почтительная форма обращения.

[3] Гидаю — исполнители музыкально-декламационного искусства повествования, исполняющие текст произведения и речи персонажей под аккомпанемент сямисэна.

[4] Дзё — традиционная японская мера длины, равная примерно 3,03 м.

ной криптомерии кружки света. В тёмной нише токонома[1] в позеленевшей бронзовой вазе с неприметной грациозностью стояли цветы ранней сливы и нарциссы. Свиток, по-видимому, принадлежал кисти Тайги[2]. Посредине словно закопчённого от времени листа бумаги, с полосками жёлтой материи из банановой нити сверху и снизу, тонко выведено:

За красные плоды
Приняв бутоны, вспорхнула птица
На зимнюю камелию.

Застывшая на подставке из красного сандала маленькая потухшая селадоновая курильница тоже выглядела по-зимнему.

Перед токонома вместо помоста для исполнителей были постланы два коврика. Тёплый ярко-алый отсвет от них лежал и на коже сямисэна, и на руках исполнителей, и на роскошном павлониевом пюпитре с резными гербами в виде вписанного в круг вогнутого ромба с четырёхлепестковым цветком китайского водяного ореха внутри его. Присутствующие сидели лицом друг к другу по обеим сторонам токонома. Самое почётное место около неё занимал учитель Сигё, следующим за ним располагался «босс

[1] Токонома — ниша в традиционном японском интерьере, предназначенная для размещения произведений искусства, прежде всего живописных свитков, каллиграфии и цветочных композиций.

[2] Икэно Тайга (1723–1776) — японский художник эпохи Эдо, один из крупнейших мастеров школы нанга («южной школы»), для живописи которой характерны влияние китайской художественной традиции и свободная, выразительная манера письма.

из Накадзу», затем господин Огава; места мужчин были справа, а женщин — слева. На самом дальнем месте от токонома в правом ряду сидел расставшийся со сценой хозяин дома.

Звали хозяина Фуса-сан, это был старик, в позапрошлом году вернувшийся к изначальной гексаграмме[1]. Со вкусом сакэ в чайных домиках он познакомился в пятнадцать лет, а за год до исполнения рокового двадцатипятилетнего возраста дело, говорят, чуть не дошло до двойного самоубийства с молодой актрисой Кимбэй Дайкоку. Вскоре после этого он бросил доставшуюся по наследству от родителей оптовую лавку, торговавшую неочищенным рисом, и, как дилетант, да ещё с болезненным пристрастием к спиртному, кое-как перебиваясь уроками песен утадзава[2], рецензиями на стихотворения в жанре хайкай[3], всё больше опускался и порой не имел даже денег на еду, пока наконец не был пристроен кем-то из дальних родственников в нынешний ресторанчик и не зажил без забот, оставив дела. По словам «босса из Накадзу», он с детских лет не мог забыть облик Фусы-сан, когда он ещё в расцвете сил с нательным амулетом синтоистского

[1] Гексаграмма — фигура из шести расположенных друг над другом черт в китайской «Книге перемен» (И цзин), используемая для символического обозначения определённой ситуации и её изменений.

[2] Утадзава — жанр японской песенной поэзии, исполнявшийся под сямисэн. Для него характерны лирические и любовные мотивы, а также разговорная, близкая к живой речи манера.

[3] Хайкай — жанр японской поэзии, для которого характерны краткость, бытовая тематика и ироническая или игровая интонация.

праздника Канда[1] и в юката[2] с рисунком «полевой тропинки под ливнем» показывал своё искусство пения. Теперь же он совершенно одряхлел и даже свои любимые утадзава пел нечасто, и соловьёв, которыми когда-то так увлекался, держать перестал. И спектакли, на премьерах которых он был завсегдатаем, с тех пор как не стало трупп Наритая и Годаймэ, очевидно, перестали его привлекать. Когда видишь его, в жёлтом кимоно и хаори из Татибу, подпоясанного тёмно-коричневым оби[3] Хаката из грубой кручёной нити, молча слушающего разговоры в отдалённом углу комнаты, никак не подумаешь, что этот человек всю жизнь провёл в любовных утехах да песнях. «Босс из Накадзу» с господином Огавой в который уже раз подступали к нему с просьбой:

— Фуса-сан, не споёте ли для нас в кои-то веки про... как там её... да-да, о Яэдзи Окику из Итадзиммити?

Но он, поглаживая плешивую голову, приговаривал:

— Нет, у меня теперь совсем сил не стало, — и его низенькая фигурка, казалось, становилась ещё меньше.

И всё же — странное дело, — видимо, глуховатый голос, ведущий повествование под тающие в полу-

[1] Канда — крупный синтоистский праздник при святилище Канда Мёдзин в Токио, посвящённый почитанию его божеств; сопровождается торжественными процессиями, в том числе шествием переносных святилищ (микоси).

[2] Юката — лёгкое традиционное японское кимоно из хлопка, обычно без подкладки.

[3] Оби — широкий традиционный японский пояс, которым подпоясывают кимоно или юката.

мраке высокие звуки второй струны сямисэна в таких обольстительных словах: «В смятении тоски любовной ныне, как спутанные волосы» или «Приди ко мне ночной порою — я выткать золотом велела на подоле там, где Сэйдзюро меня касался той ночью», — до некоторой степени пробудил в старике давно уснувшие чувства. И он, вначале слушавший пение ссутулившись, постепенно распрямился, и, когда Роккин начала сказ «На горе Асама»: «И ненависть и любовь в душе; покинутая им, всё думаю ночной порою: а вдруг ещё вернётся чувство в его сердце?» — глаза его засверкали, и он стал в такт струне слегка поводить плечами, и казалось, в эту минуту краем глаза вновь видел то, о чём мечталось когда-то. Видимо, звон струн и песни иттю, в горьковатой печали которых таится неведомое нагаута или киёмото[1] очарование, невольно подняли из глубины его души, усталой от долгой жизни и много испытавшей, нежданную волну чувства.

Когда закончилась «Гора Асама» и отзвучал дуэт «Ханако», Фуса-сан с вежливым «угощайтесь» вышел из комнаты. Как раз в этот момент подали еду на низеньких столиках, и некоторое время звучала оживлённая болтовня. «Босс из Накадзу», похоже, был поражён тем, насколько постарел Фуса-сан.

— Как изменился! Прямо дедуля-сторож стал... Да, отпелся наш Фуса-сан, — сказал он.

[1] Нагаута — жанр японской вокальной музыки с длинными повествовательными текстами.

Киёмото — традиция музыкально-декламационного исполнения, сочетает пение и речитатив; использовалась, в частности, для сопровождения театральных представлений.

— Вы как-то о нём, кажется, рассказывали? — спросила Роккин.

— Да, и господин учитель знает, но я скажу. Он очень способный. И утадзава пел, и иттю, да разве только это — и с исполнением синнай[1] по городу хаживал. В прошлом он занимался у того же, что и сэнсэй, главы школы пения в Удзи.

— С учительницей песен иттю из квартала Комагата, как её бишь — Ситё? — что-то у него тогда ещё с ней было, — вставил Огава-сан.

Некоторое время все продолжали одну за другой вспоминать разные истории о Фусе-сан, но, когда старая гейша с Янагибаси начала исполнять сцены из «Храма Додзёдзи», в гостиной вновь воцарилась тишина.

Поскольку вслед за этим была очередь Огавы-сан с «Кагэкиё», он на минуту вышел в туалет. По правде говоря, он подумывал, не выпить ли попутно сырое яйцо, но только вышел в коридор, как вслед за ним туда выскользнул и «босс из Накадзу» со словами:

— Огава-сан, а не осушить ли нам по чашечке? После вас ведь мой номер — «Комнатное деревце». На трезвую-то голову и с духом как-то трудно собраться.

— А я как раз хотел выпить сырое яйцо или чашечку охлаждённого сакэ... У меня тоже без вина смелости, знаете, не хватает.

[1] Синнай — жанр японской музыкально-декламационной традиции, отличающийся выразительной, эмоционально насыщенной манерой исполнения и чередованием речитативных и певческих фрагментов.

Когда, справив малую нужду, они прошли по коридору до главного здания, то услышали доносящиеся откуда-то звуки тихого разговора. Сквозь застеклённые сёдзи в конце длинного прохода, за двориком с голубеющим в сумерках на мясистых листьях подокарпов снегом, на другом берегу тёмной широкой реки, жёлтыми точками светились далёкие огоньки. Вслед за двумя короткими вскриками чайки — тири-тири — словно лязгнули серебряные ножницы, в доме и снаружи сделалось совсем тихо, не слышно было даже звуков сямисэна. И только чей-то голос незаметно вплетался в напоминающий жужжание швейной машинки лёгкий шёпот снежной крупы, что сыпалась на красные бусинки декоративного карликового мандарина, на уже выпавший снег и скользила по глянцевым листьям аралии.

— Ого, послушай-ка!
Да то совсем не кошка,
Лакающая воду! —

пробормотал господин Огава.

Постояв, они поняли, что голос раздаётся из-за сёдзи справа. Его прерывающиеся звуки складывались в такие слова:

— Ну чего дуешься? Если всё время будешь плакать, прямо не знаю, что с тобой делать... Что? У меня, дескать, дела с этой, из Кинокунии?.. Полно тебе шутки шутить. На что мне такая старушенция? Остывшее блюдо, кушайте, мол, вдоволь? Негоже так говорить. И вообще, зачем я стану ещё где-то заводить женщину, когда у меня есть ты?

Первая любовь всё же... Помню, я на занятиях по утадзава исполнял «Он мой», а ты тогда ещё...

— Да, это в духе Фусы-сан.

— Постарел, но со счетов его сбрасывать рано!

С этими словами Огава-сан и «босс из Накадзу» осторожно подползли на коленях к узкой щёлке в сёдзи и заглянули в комнату. Обоим в воздухе померещился запах пудры.

В комнате слабо, даже не отбрасывая теней, горела электрическая лампа. В плоской — три локтя в ширину — нише одиноко висел каллиграфический свиток из монастыря Дайтокудзи, а под ним стояла плоская ваза белой керамики с распустившимся зеленоватым бутоном, кажется, китайского нарцисса. Перед нишей у котацу[1] сидел Фуса-сан, отсюда видна была только его спина в подбитом ватой шёлковом кимоно с воротником из чёрного бархата. Но женщины нигде не было. На прикрывающем котацу одеяле с переплетающимся узором цвета индиго и светло-коричневого лежали два-три сборника нот хаута[2], а рядом с ними свернулась калачиком маленькая белая кошка с колокольчиком на шее. При каждом её движении колокольчик издавал тоненький, едва слышный звук. Фуса-сан, склонившись над ней, так что его лысина чуть не касалась мягкой кошачьей лапки, продолжал обольстительно шептать неизвестно кому:

[1] Котацу — низкий японский столик с источником тепла под столешницей, обычно укрытый сверху толстым одеялом.

[2] Хаута — разновидность японской городской песенной поэзии; отличается небольшими по объёму текстами преимущественно лирическим, часто любовным содержанием.

— Тут ты подошла и сказала, что я противный — так умею петь! Искусство — это...

«Босс из Накадзу» с Огавой-сан молча переглянулись. Потом, стараясь пройти как можно тише, вернулись по длинному коридору в гостиную.

А снег всё шёл, и казалось, ему не было конца...

БЕССМЕРТНЫЙ МУДРЕЦ

I

Неизвестно, к какому времени относится эта история. Среди странствующих балаганных актёров, ходивших с представлениями из одного городка в Северном Китае в другой, был некий Ли Сяоэр. Он давал представления мышиного театра. Всё, что он имел при себе, — это мешочек для мышей, коробки с их сценическими костюмчиками и масками и нечто вроде небольшого домика с крышей, служившего переносной сценой.

В погожий день он останавливался на людном перекрёстке и прежде всего ставил себе на плечи упомянутое подобие домика, а затем стучал в барабанчик и песней зазывал публику. Падкие до зрелищ горожане — и стар и млад, — услышав пение, редко проходили мимо него, не остановившись. Когда вокруг образовывалась людская изгородь, Ли вытаскивал из мешочка мышь, надевал на неё костюм или маску и выпускал на сцену, как и положено, через специальный выход — путь демонских врат. Мышь, видать уже привыкшая к своей роли, деловито семенила по сцене и, несколько раз чопорно вильнув блестящим, как шёлковый шнурок,

хвостиком, на несколько мгновений приподнималась на задние лапки. Из-под ситцевой одёжки розовели подушечки передних лапок. Мышь эта выполняла роль сэцзы — персонажа интермедий между актами предстоящей драмы.

Что же до публики, то если она составлялась преимущественно из детей, те с самого начала били в ладоши и изнывали от любопытства, взрослые же свой интерес демонстрировали не так охотно. Как правило, они безучастно покусывали трубки, вырывали волоски из носа и насмешливо разглядывали хлопочущих на сцене мышей-актёров. Но по мере развития сюжета, когда через путь демонских врат на сцену друг за другом выползали героиня чжэндань в костюме из парчовых лоскутков, злодей — цзин — в чёрной маске, которые подпрыгивали и кружились в прихотливой пантомиме под пение и реплики Ли, публике, похоже, становилось уже невмочь разыгрывать равнодушие и из окружающей толпы начинали раздаваться одобрительные возгласы: «Санцзыда!» — вот это здорово! Тогда и Ли Сяоэр, всё более воодушевляясь, истово колотил в барабан, ловко управляя своими мышами.

Ну а когда он переходил к центральной части представления, провозглашая: «В Чёрной реке утонула горечь Минской принцессы Цинчжун, часто видит сокровенные сны одинокий гусь осенью в Ханьском дворце», то на выставленном перед сценой подносе сама собой вырастала горка монет...

Однако зарабатывать себе на хлеб таким ремеслом нелегко. Достаточно десяти непогожих дней, и уже можно класть зубы на полку. Летом, с того времени как начинает созревать урожай, и до сезо-

на дождей и костюмчики и маски покрываются плесенью. А зимой то ветер, то снег, и дело сразу же приходит в упадок. Тогда поневоле приходится бороться со скукой в компании мышей, коротая обычно скучные вечера где-нибудь в тёмном углу постоялого двора. Мышей было всего пять, и они носили имена отца, матери и жены Ли, а также его двоих неизвестно где живущих детей. Когда, вылезая из своего мешочка, мыши опасливо и зябко обходили комнату, где не было хотя бы крохотной жаровни, с помощью опасных акробатических трюков залезали с кончиков башмаков на колени хозяина и своими глазками, похожими на чёрные бусинки нанкинского бисера, вглядывались в его лицо, то даже у привычного к тяготам жизни Ли Сяоэра иногда на глаза наворачивались слёзы. Однако такое, честно говоря, случалось редко, обычно же он был всецело во власти тревоги о завтрашнем дне и охватывающего его безотчётного чувства неудовлетворённости, так что взгляд его и не задерживался на милых мышках.

К тому же в последнее время стали сказываться годы и болезни, и он уже не мог полностью отдаваться своему ремеслу. Когда попадалась особенно длинная песня, голос начинал прерываться: глотка тоже служила ему уже не так верно, как прежде. С этой стороны можно было в любое время ждать каких угодно неприятностей. Эта тревожная мысль, словно зима Северного Китая, изгоняла из сердца бедного актёра солнечный свет и вольный воздух и, наконец, безжалостно иссушала даже само желание просто жить, как все остальные. Отчего жизнь так трудна, и почему, несмотря на всю её мучитель-